

П.А. АКОПЯН¹

¹*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация*

АРМЯНСКОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ V–VII ВЕКОВ: СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ И КОМПОЗИЦИОННЫЕ ПРИЕМЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье на материале исторических сочинений первых армянских историков-писателей V–VII вв. поднимается вопрос об особенностях организации текстового пространства армянских «Историй». Делается вывод о том, что в структуре рассмотренных трудов заметен некий общий исторический сценарий, в рамках которого судьба армянского народа ставится в прямую зависимость от их приверженности христианской вере. Показывается, что события армянской действительности позднеантичного времени дали основания для написания двух разных сценариев истории армянского народа: оптимистического и пессимистического.

Ключевые слова: армянская христианская историография, Агатангехос, Павстос Бузанд, Егише, Мовсес Хоренаци, Лазарь Парпеци, Себеос, поздняя Античность.

P.A. AKOPIAN¹

¹*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

ARMENIAN HISTORIOGRAPHY OF V–VII CENTURIES: SPECIFICITY OF STRUCTURE AND COMPOSITIONAL TECHNIQUES OF NARRATION

Abstract. Focusing on the historical works of the first Armenian historians and writers of V–VII centuries the issue scrutinizes the peculiarities and formula of the textual organization characteristic to the Armenian "Histories". The author concludes that the structures of the works under consideration draw upon somewhat common historical scenario implying the fate of the Armenian people's instant dependance on their commitment to the Christianity. The author shows that the events of the Armenian late antique history gave grounds for developing of two different blueprints of the Armenian history: the worst-case and the optimistic ones.

Keywords: Armenian Christian historical writing, Agathangelos, P'awstos Buzand, Elishe, Ghazar Parpetsi, Moses Khorenats'i, Sebeos, Late Antiquity.

Немецкий египтолог, историк религии и культуры Я. Ассман в своей уже ставшей классической монографии *«Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности»* рассматривает историографию (традицию историописания) того или иного народа как форму культурной памяти [8, с. 180–181]. Эта традиция, по мнению исследователя, представляет собой специфическую для культуры форму передачи и осовременивания культурных образов и смыслов, знание, управляющее переживаниями и поступками внутри определенного общества, подлежащее специально организованному повторению и закреплению в особо созданных сообществом формах [8, с. 181]. В связи с этим, если мы можем говорить об историографическом повествовании как о мемориальном нарративе, то будет правомерным поставить вопрос и о закономерностях его внутреннего устройства. В настоящей статье мы сместим наш интерес от описания и анализа исторических представлений армянских авторов в сторону изучения процессов, сопровождающих создание текстовых повествований [в последнее время мышление постепенно становится одним из ключевых предметов анализа в нарратологических исследованиях. См., например: 16, 18, 23], попытаемся ответить на вопрос, каким образом

структурируются и организовываются сочинения армянских историографов V–VII вв. В статье были использованы следующие переводы сочинений армянских авторов [1-7].

Основные исторические труды армянских авторов V–VII вв. (Агатангехоса, Павстоса Бузанда, Егише, Мовсеса Хоренаци, Лазаря Парпеци, Себеоса) не сопровождаются простым фиксированием фактов светской и церковной истории. Несмотря на то, что сама традиция историописания в Армении ведет свое начало с момента изобретения письменности (начало V века), в структурном плане исторические сочинения неплохо организованы, в большей своей массе последовательны. Очевидно, что первые армянские историки стремились, насколько это возможно, выбрать оптимальную форму исторического нарратива. Ниже мы проследим, во-первых, насколько сочинения первых армянских историков обладают собственной «грамматикой», во-вторых, в какой степени они однородны/неоднородны, системны/бессистемны, в-третьих, является ли видение армянскими интеллектуалами прошлого сугубо индивидуальным, или же можно вести речь о некоем социальном опыте.

Как известно, авторами армянских исторических сочинений были представители Церкви [21, р. 18]. Именно последняя являлась институтом, ответственным за создание, хранение и воспроизведение исторических нарративов. Как следствие, можно предположить, что в повествованиях армянских авторов степень морализации, облаченной в тона христианских идеологем, будет высока. Кроме того, в текстах историй можно встретить некие общие «исторические сценарии» [по терминологии Зерубавеля: 24, р. 12], которые опираются на конфессионально окрашенную историографическую схему: *судьба армян ставится в зависимость от их приверженности своей христианской вере*. Во всех исторических текстах первых армянских историков прослеживается тема отступничества от веры святого Григория. Но вместе с тем ни один автор не обходит вниманием образ преданного и верного народа. Последний, как правило, изображается в окружении врагов. Ведущий американский представитель когнитивной социологии культуры Эвиатар Зерубавель в своих исследованиях рассматривает то, каким образом сообщества очерчивают и вводят в определенные рамки воспоминания своих членов так, что присущее им видение прошлого является не столько индивидуальным, сколько социальным опытом [24]. По словам ученого, в зависимости от типа выстраиваемой идентичности и решаемых задач, нарратив памяти по-разному организовывается и структурируется [24, р. 12]. Автор заключает, что «разные сообщества по-разному вписывали свое понимание прошлого в специфические сюжетные фабулы» [13, р. 453]. Другой американский исследователь, профессор отделения антропологии факультета искусств и наук Вашингтонского университета Джеймс Верч в качестве одного из критериев существования у тех или иных сообществ единых повествовательных шаблонов сюжетопостроения выделяет их консерватизм [22, р. 41-44]. Поскольку на уровне прочтения первоисточников такая особенность нами была замечена, ниже, рассматривая в хронологическом порядке основные армянские исторические повествования, мы попытаемся подтвердить либо опровергнуть существование единой сюжетной фабулы (единого повествовательного схематического шаблона) в историографическом наследии армянских историков-писателей.

Итак, первым в хронологическом ряду стоит «История» Агатангехоса, основная тема которой, как отмечалось прежде, связана с принятием христианства армянами. Труд историка четко очерчен началом (пространным предисловием) и концом (эпилогом). В самых первых главах «Истории» описывается смена династии в Персидской империи (от Аршакидской к Сасанидской) (Агатангехос. I. 18-22; II. 23-34). Агатангехос повествует об убийстве Артабана, последнего парфянского Аршакида, чьим родственником являлся армянский правитель Хосров. Автор ведет рассказ о «славных временах» армянского государства, очерчивая круг победоносных войн против персов (I. 19-21). В первых же главах сочинения возникает и образ врага в лице персидского царя, «который замышляет преследования в отношении армян» (II. 33-34). Автор приводит сведения о бежавшем в пределы Римской империи от преследований сыне Хосрова – Трдате, который позднее,

вернув власть, станет новым правителем Армении (III. 37-38). Основная часть сочинения описывает период, предшествующий крещению армян (IV. 39 – XII. 136), сам процесс этого действия и период славного правления царя-христианина (IXC. 716 – CXXVII. 900). Агатангехос довольно ярко и образно показывает, как с принятием новой веры наступает эпоха процветания. Тема страдания армян в лице первых правителей – царя Трдата, будущего первоепископа Григория Просветителя – составляет лейтмотив произведения. Включение в текст сцен мучений и страданий армян призвано показать сложный и долгий путь народа к постижению Божественной истины.

В сочинении «Слово о войне Армянской» другого автора, Егише, отмеченная выше историографическая схема выражена ярче, чем у остальных историков. Исторический труд включает в себя предисловие и семь глав, последняя из которых и считается логическим завершением повествования. Несмотря на небольшой хронологический охват произведения, конструирование Егише армянской истории в целом схоже с вариантом, предложенным Агатангехосом: повествование «Слова» начинается с описания «золотого века» истории армян, когда «в стране процветала *свобода* и *богопочитание* [выделено нами. – П.А.]» (Егише. С. 192-193). Две последние категории: богопочитание (преданность христианской вере, ее защита) и свобода – составляют ядро, на котором и зиждилось «славное прошлое» народа и которое станет в изображении Егише мишенью для разрушения со стороны персидского двора. Историком сконструирован и представлен довольно конкретный образ врага: автор уже на первых страницах сочинения заявляет о том, что христиане (в том числе и особенно армяне) в глазах персидского двора выступают в качестве потенциальной угрозы для сасанидского государства (С. 194-195; 204). Именно поэтому основным источником страданий и мучений армян станут персы в лице сасанидского царя Йазкерта (С. 209; 249; 251; 254-255; 270-271; 278; 298-300; 305-306; 309; 311-312). Егише рассказывает о том, как персидский правитель стремился разными способами обратить все подвластные ему народы в зороастризм (С. 195). Однако особых результатов, как показывает повествование, эта политика не принесла (С. 325).

Егише приводит довольно много эпизодов сопротивления персам со стороны армян, готовых ради своей веры идти на смерть. Главным защитником армянской веры выступает Вардан Мамиконян. Армянский автор, безусловно, не идеализирует всех армян, не сосредотачивается на рассказах о всеобщей преданности народа христианскому учению. Он включает в свое повествование упоминания и о тех представителях собственного народа, чьи интересы им не поддерживаются и даже порицаются. В этом отношении примечательна фигура Васака Сюни, стремившегося расколоть армян и активно поддерживающего политику насаждения зороастризма персидским правителем (С. 283; 286;). Здесь следует отметить, что, повествуя о Васаке (и в целом о тех, кто отступил от христианского учения), Егише довольно активно использует прием морализаторства: последующим своим повествованием историк показывает, что преданность вере, ее защита, стойкость в ней есть залог грядущего спасения и победы (пусть и духовной) над врагом, отступничество же – поражение (примечательна в этом отношении судьба главного отступника Васака Сюни, принявшего гибель от рук самих персов).

Большое внимание, как мы уже отмечали ранее, Егише отводит Мамиконянам. Речь Вардана, произнесенная накануне восстания, содержит рассуждения богословского характера об истинности армянской веры, воспевание подвижничества и благочестия (С. 260-261). Она насыщена религиозно окрашенными христианскими идеологическими конструкциями. Егише через своего героя активно использует ветхозаветные образы, отражающие отчаянную борьбу за свою религию (С. 261). Анализируя исторические представления первых армянских историков, мы отмечали, что Егише и Лазарь Парпеци по-разному оценивают результаты и итоги Аварайрского сражения. Автор «Слова» не торопится объявлять армян проигравшей стороной, несмотря на то, что многие армяне попадают в иранский плен. Интерпретация события у Егише выглядит особым образом –

«не было стороны, которая победила, и стороны, которая понесла поражение... потерпели поражение обе стороны» (С. 270). Как видно из общего тона повествования, в этом отрывке речь идет, прежде всего, о поражении физическом. В контексте же духовной борьбы армяне выступают в качестве победителей. Духовная победа слагается в концепции автора из последовательного описания сцен страданий и мучений армянского народа, нежелания изменять своей вере и предкам. Эти описания многообразны и занимают обширное текстовое пространство. Егише сообщает довольно много сведений о тех армянах, кто принимает мученическую смерть во имя веры (о Мамиконянах см., например: С. 241; 256; 261; 271 и т.д.; о других нахарарах, мирянах и армянских воинах: С. 221-222; 223; 267; 274-275). Автор подробно повествует о страданиях армянских священнослужителей (о Левонде и Йовсепе см.: С. 258; 262; 274; 302; 322). Седьмая глава сочинения посвящена описанию их мучений и совершаемых чудесах и стойкости в христианской вере. Отдельно отметим, что лишения терпит и обычный народ (С. 275-276).

Итак, Егише так же, как и Агатангехос, своим повествованием показывает, как армянский народ, страдая за веру, сохраняет стойкость в ней. В этом и заключается, по мнению автора, главная победа народа – отказавшись от отступничества, армяне достигают Божественной истины и небесного благоденствия. Смысловый план сочинения Егише можно сформулировать следующим образом: невзирая на все страдания, исходящие от рук врагов, армяне все же остаются верны своей религии, за что одерживают победу.

Перейдем к рассмотрению третьего произведения. «История Армении» Мовсеса Хоренаци отличается стройной композицией и состоит из трех основных книг. В своем поистине ценном во всех отношениях сочинении армянский автор представил историю народа с древнейших времен. Нас в большей степени в этом месте будет интересовать вопрос, касающийся того, насколько сюжетный материал «Истории» Хоренаци соответствует выделенной историографической схеме (*судьба армян ставится в зависимость от их приверженности своей христианской вере*)?

Первая часть сочинения (Мовсес Хоренаци. I. 1-32) посвящена древнейшей истории армян, которую автор целенаправленно помещает в контекст библейской плоскости. Происхождение армянского народа Хоренаци связывает с легендарным Хайком, чьи корни он возводит к персонажам ветхозаветной истории (I. 9-11). Историк подробно выстраивает генеалогию первых армянских правителей, показывая время их царствования как славное и доблестное (I. 12-14). Особняком стоит фигура Тиграна II Великого, чье правление можно, пожалуй, назвать самым могущественным из всех тех, о которых Хоренаци рассказал в этой части произведения (I. 24-31). Вторая книга охватывает период от Александра Македонского до Трдата III Великого, принявшего христианство в качестве государственной религии (II. 1-92). В этой части «Истории» Хоренаци повествует о деятельности первого армянского святого Григория Просветителя (II. 68; 83; 91), о других христианских мучениках на армянской земле. Особое внимание историк уделяет описанию принятия Трдатом христианского вероучения, его отшельнической жизни и трагической смерти, когда царь был отравлен своими врагами (II. 67; 75-76; 79-80; 80-92). Образ врага в данном случае у Хоренаци кардинально отличается от обозначенного Егише и Агатангехосом и постепенно выкристаллизовывается в заключительной книге «Истории» (III. 1-68). Если предыдущие два автора видели главную угрозу со стороны некоей внешней силы (персов), то Хоренаци в качестве враждебного элемента называет самих армян, «впавших в греховность» (II. 92; III. 6; 8; 10; 11; 13; 19; 24; 27; 35; 38-39 и т.д.). Здесь явно выражена христианская идеология, задаваемая дихотомией греховность/спасение, которая будет развита и использована в третьей части повествования. Конструкция «*отступаясь от своей веры, армяне терпят поражение и утрачивают свое бывшее могущество*» находит свое яркое выражение в текстовом пространстве «Плача», который является логическим завершением всей «Истории» (III. 68). Хоренаци в этой части своего исторического нарратива открыто поднимает проблему нравственного упадка народа, приведшего к падению государства.

Автор связывает это поистине драматическое, поворотное для армян событие с ценностной переориентацией общества, связанной в первую очередь с отказом от устоев христианской веры. Итак, в «Истории» Мовсеса Хоренаци мы наблюдаем своеобразную инверсию историографической схемы *«армяне одерживают победу, если демонстрируют стойкость и преданность христианской вере»*. Эта идеологема в сочинении автора приобретает несколько иное звучание: *«армяне терпят поражение (потеря государственности), поскольку верность христианству в сообществе армян (в особенности среди передовой знати) ослабла»*.

Рассмотренные нами три исторических текста обнаруживают сходные элементы в построении и конструировании сюжетной линии: судьба армян (и, если мы по времени можем об этом еще говорить, армянского государства в целом) и у Агатангехоса, и у Егише, и у Хоренаци ставится в прямую зависимость от их приверженности своей вере. Определим, в какой мере эта особенность характерна для исторических сочинений Павстоса Бузанда, Лазаря Парпеци и Себеоса.

Н. Гарсоян отказывается видеть в дошедшем до нас тексте сочинения Бузанда полноценное историческое произведение [14; 15]. Автор отмечает неупорядоченную композицию, которая носит компилятивный характер. Данное произведение, по мнению исследовательницы, скорее представляет собой сборник исторических рассказов, чем целостное и связанное повествование. В сочинении Павстоса можно выделить две линии повествования – светскую и церковную. С одной стороны, «Истории» свойственен параллелизм двух сюжетных ветвей, с другой – нередко на страницах текста можно встретить их переплетение. Несмотря на то, что первые две книги «Истории» до нас не дошли, сохранившийся текст сочинения и его содержательная часть, насыщенная событийной историей, все же позволяют говорить о наличии некоего повествовательного сценария. Основная тема повествования – бесконечные войны между Римской империей и Сасанидским Ираном и довольно уязвимое положение армянского царства среди этих двух могущественных соседей.

В начальных главах «Истории» Павстос Бузанд так же, как и предшествующие авторы, очерчивает контуры «золотого века» армянской истории, в котором ключевой фигурой выступает армянский царь Трдат III (Павстос Бузанд. III. 1). Именно с именем этого персонажа связано определение понятия «идеальный правитель». Бузанд рассказывает о том, как во времена Трдата «просветилась Армения приятной любовью и верой богопочитания, с которой познакомилась через великого священника Григория...». Историк рисует картину того, как после воцарения Хосрова Котака, «внука Хосрова, сына храброго и добродетельного царя Трдата... возросли и умножились мир и благодать, многолюдство и здравие, плодородие, преизбыток и благополучие в делах и великое божественное служение и богоугодный добрый нрав... Процветали в тот век правда и справедливость» (III. 3). Однако героическое прошлое и славное время длятся недолго. Основными источниками нарушения порядка и равновесия у Павстоса выступают, с одной стороны, сами армяне (в лице правителей государства), с другой – внешние силы (Иран и Византия). Историк отводит большое внимание описанию правления неправедных армянских царей (Тирана, Аршака, Папа) (III. 7; 12-14; 18; 21; IV. 4-5; 12-13; 22; 25-50; V. 4; 24; 29-30 и т.д.), чье поведение и определяет состояние армянского общества и государства в целом. Главный критерий отрицательного отношения автора к этим персонажам – их безбожность и отречение от христианской веры.

Отдельно Павстос рассказывает о разрушениях со стороны персидских войск, страданиях, претерпеваемых армянами. Завершается «История» описанием раздела Армении между Сасанидским Ираном и Византией и последовавшим вслед за этим упадком царства (V. 44). Резюмируя, можно сказать, что и у Павстоса Бузанда отчетливо прослеживается вплетение в ткань повествования историографической схемы *«судьба армян ставится в зависимость от их приверженности своей вере»*. Истоки поражения (раздела Армянского

царства) автор пытается найти как в вине самих армянских правителей и их приближенных, так и в агрессивной политике соседних государств (в особенности Ирана).

Перейдем к анализу специфики структуры сочинения еще одного армянского автора – Лазаря Парпеци. Дошедшая до нас «История» состоит из трех основных частей. Парпеци начинает свое повествование с момента раздела Армении (Ghazar P'argesi. I. 13-14), с события, которое завершило «Историю» Павстоса Бузанда. Уже в предисловии к своему труду Парпеци пишет о том, что «... в части, отошедшей к неверным [*имеются в виду иранцы*. – П.А.] были храбрецы из числа армянских нахараров, мученически погибшие ради заветов святой церкви, в то время как другие, сверх божественного ожидания... выдерживали оковы...» (Praef. 4). Историк открыто заявляет, что в его сочинении найдется место для рассказа как о судьбах богоизбранных священников, так и тех, кто отступился от заветов и канонов Церкви (Praef. 3-4).

Для Парпеци ключевой, пронизывающей почти все повествование является тема независимости (как политической, так и религиозной). У Лазаря – это время правления царя Аршака еще до раздела страны, «когда... царь Армении... правил самостоятельно над всей землей армянской» (I. 8). Ситуация меняется с началом агрессивной политики Византии и Ирана в отношении армян (в случае с Ираном – в отношении еще и армянской веры) (I. 12). Дальнейшее повествование историк строит в соответствии с обозначенной выше схемой, предписывающей наличие вражеских сил, которые обрушиваются на армянский народ. Речь идет, прежде всего, об Аварайском сражении (II. 36-41), описанном также Егише. Сам ход восстания в целом не противоречит изложенным Егише событиям, хотя в некоторых местах у авторов все же можно найти разные взгляды и оценки. Парпеци лаконичным образом повествует о том, как армяне, не желая отказаться от своей веры, поднимаются на восстание и показывают пример героической борьбы во имя веры. Лазарь показывает и стойкость части армянских священнослужителей, также не отступающих от христианства, несмотря на все страдания и мучения, которые были уготованы персами (II. 22-23; 26-27; 30; 34; 36; 38; 40-41; III. 63; 66-68 и т.д.). В заключительной части «Истории» Парпеци, продолжая свой рассказ, повествует еще об одном восстании под руководством Вахана Мамиконяна, в результате которого армянский народ побеждает своих врагов (III. 68-75). Персидский правитель, как передает историк, принимает решение вручить Вахану указ об управлении Арменией, разрешив народу свободно исповедовать свою веру (III. 89). Сочинение заканчивается проповедью армянского епископа Иоанна и оформлено автором в тонах религиозного морализаторства (III. 99).

Наконец, рассмотрим с точки зрения соответствия общей структуры сочинения схеме «зависимость судьбы армян от приверженности христианской вере» «Историю императора Иракла» автора VII века Себеоса. Самой ценной, как мы уже отмечали, у Себеоса является заключительная часть труда (Себеос. III. 1-38), поскольку в начальных двух содержится крайне скудная информация относительно древней истории армян. Эти сведения в большей своей части уже встречались в исторических трудах историков V века.

В Предисловии к Третьему Отделу (по переводу на русский язык К. Патканьяна) историк вкратце сообщает о том, о чем собирается поведать читателю на оставшихся страницах сочинения. Текст начинается традиционным эпизодом, повествующим о падении армянской ветви Аршакидов (Себеос. III. Предисловие). Фрагмент очерчивает круг событий, о которых будет рассказывать автор в последующих главах. Трудно четко определить контуры «золотого века» армянской истории, но из общего контекста повествования можно выделить основные компоненты, характерные для славного прошлого армян: политическая независимость и богопочитание. Нарушение устоев, цементирующих «золотой век», автор связывает с происками враждебных сил, стремящихся «уничтожить плоды благоверия». Несмотря на то, что тема мученичества и страданий народа у Себеоса не так ярко выражена, как скажем у Агатангехоса, Егише, Парпеци, все же стойкость армян в своей родной вере описана у епископа довольно подробно. Речь идет, прежде всего, о стремлении сохранить

веру святого Григория на армянских землях со стороны ортодоксальной части армянского духовенства (к числу которых принадлежит и сам автор). Себеос приводит на страницах своего сочинения текст письма, составленного несколькими армянскими епископами и адресованного византийскому императору (Ш. 33). Основная цель, преследуемая священнослужителями, – изложение и защита монофизитской позиции Армянской Церкви. Автор не обходит вниманием и тему отступничества: сочинение насыщено рассказами об армянах, изменивших своей вере, принявших зороастризм или вставших на сторону одобрения положений Халкедонского собора (см., например, историю судьбы епископа Езра: Ш. 29). Описывая историю армян, современником которой лично выступал, Себеос пытается объяснить происходящие катаклизмы не только захватнической политикой Ирана, Византии и государства арабов. Историк вслед за Хоренаци и Бузандом также возрождает общехристианскую идеологему о греховности как источнике бед (Ш. 34).

Таким образом, если косвенно посмотреть на структуру рассмотренных нами армянских текстов, то можно заметить наличие в них некоего общего «исторического сценария», в рамках которого судьба армянского народа ставится в прямую зависимость от их приверженности своей вере. Армянскими авторами собственное государство осмысливалось как островок истинной веры среди моря различных ересей. Христианская (армянская) вера интерпретировалась историками как основная парадигма армянской идентичности, стержень их материальной и духовной культуры. Краткий структурный анализ текстов сочинений позволяет прийти к следующему заключению. Сюжетная схема произведений армянских авторов V–VII вв. содержит следующие основные компоненты: во-первых, кто в меньшей, кто в большей степени, но все без исключения исторические труды повествуют о «золотом веке» армянской истории, о доблестных и славных временах армянского государства; во-вторых, армянские историки отчетливо изображают факт нарушения этой гармонии силами извне либо же внутренними ресурсами; в-третьих, тексты «Историй» содержат немало сведений о претерпеваемых армянами за веру и свободу страданиях, в результате которых народ одерживает либо победу (если сохраняет стойкость в вере), либо терпит поражение (в случае отступничества).

Итак, мы увидели у армянских авторов в той или иной степени одинаковый набор средств моделирования прошлого. Однако схожие структурно-композиционные принципы организации исторического материала не позволяют в полной мере утверждать, что армянская историографическая традиция V–VII вв. как носитель образов-воспоминаний представляла собой однородный феномен и в плане восприятия исторического процесса как такового. События армянской истории, организованные в оригинальные (авторские) текстовые пространства и, как мы выяснили, обладающие общей схемой сюжетопостроения, вместе с тем дали основания для написания двух разных сценариев истории армянского народа: оптимистического и пессимистического.

Армянская историческая память в своей историографической форме развивалась в первую очередь как ответ на травму раздела страны и потерю собственной государственности [более подробно о теории культурной травмы см., например: 11, с. 268–285; 17; 19; 20]. Однако отметим, что в рамках социокультурного подхода к анализу травмы исследователями подчеркивается ее конструируемая природа. Событие как таковое само по себе травматическим не является. Травмой оно становится лишь только в рамках той или иной интерпретации [12, р. 8–9]. И поэтому историографическим преломлением дилеммы позднеантичного армянского пессимизма/оптимизма стал вопрос о преимущественном влиянии внутренних или внешних причин раздела и упадка армянского государства.

Армянскому историописанию V–VII вв. характерен актуализм исторического сознания. Именно поэтому первым армянским историкам предстояло зафиксировать свое прошлое, истолковав культурное наследие народа применительно к современным условиям. Такие историки, как Агатангехос, Егише, Лазарь Парпеци, будут настаивать на нетерпимости существующего положения, исходя из исторического предназначения

армянского народа. Причины неудач, трагических событий усматриваются ими как результат воздействия внешних сил, а смысл событий помещается в рамки провиденциальной плоскости. Гибель страны выступала у этих историков как «оптимистическая трагедия» армянского общества: в самом падении народа начинается его быстрое возрождение. Распад Армении рассматривается как результат насильственного вмешательства извне. Текущее положение дел находилось в прямой зависимости от агрессии соседних государств, негативного влияния персов на внутреннюю жизнь армян. Егише и Лазарь Парпеци прямо заявляют, что Иран видел в армянах угрозу для своего существования. В этой версии истории сильно ощущение несовершенства настоящего и обращение к прошлому как к «золотому веку». Настоящее критикуется с точки зрения «героического прошлого». Вместе с тем описанные авторами переносимые страдания, претерпеваемые армянами, становятся при всем этом залогом грядущего возрождения и триумфа. В сочинениях «оптимистов» довольно часто встречается образ Христа. С одной стороны, это вполне объяснимо, поскольку все авторы без исключения были носителями христианских идей, и частое обращение к главной фигуре христианства не должно казаться парадоксальным. Однако вызывает интерес то, что фигура Спасителя и Армянское государство поставлены авторами в одну эсхатологическую перспективу противостояния добра и зла. Армянская земля виделась историками как воплощение идеи истинной веры, которую стремились всевозможными способами пошатнуть и погубить соседние государства. Своим повествованием, идеями и образами мыслители показывали неизбежность собственного освобождения и Воскресения Армении (подобно Христу).

Другие авторы (Павстос Бузанд, Мовсес Хоренаци, Себеос), безусловно, не исключая происки держав, граничащих с армянскими землями и пошатнувших независимость народа, в своих исторических трудах в большей степени все же показывают объективную неизбежность и закономерность происходящего. Армянское государство пало от нарушения божественного закона. Бедствия, обрушившиеся на армян, эти авторы связывают с ослаблением института царской власти. Чем глубже мы уйдем в историю каждого из авторов, тем более сильной мы увидим центральную власть, о которой повествует тот или иной интеллектуал. На первом плане у этих историков стоят политические (ценности сильной центральности власти, иерархии, дисциплины) и религиозные интересы народа. Мысль «пессимистов» сводится к тому, что Армения не была бы обречена на гибель, если бы «у руля» государства по-прежнему стояло «поколение отцов». Наиболее подходящим представителем этого поколения у большей части историков выступает Трдат III. В трактовке и Хоренаци, и Павстоса Бузанда его деятельность должна служить потомкам уроком и идеалом. В этой модели «мемориального нарратива» чрезвычайно значимой оказывается именно дидактическая сторона истории. В заключительной части своей «Истории» Мовсес Хоренаци, например, показывает, как место справедливости занимают войны, насилие. Павстос Бузанд смещает акцент, в первую очередь, в сторону коренных пороков народа в лице правящей элиты. История Армении и армянского народа в данном случае рассматривается авторами как результат нравственного падения.

Итак, перед нами предстают не столько индивидуальные (авторские) взгляды и смыслы конкретных историков-писателей, сколько выражение общего исторического сознания переломной эпохи. В ментальном дуализме армянской интеллектуальной среды V–VII вв. выражалось не только сожаление о безвозвратной потере «золотого века», нарушении традиций, устоев и связей, цементирующих его (пессимистическая линия), но и проявлялся взгляд на историю как движение к будущему спасению (оптимистическая линия). Пример армянской историографии позволяет вести речь о двух разных типах исторического сознания, не сменивших хронологически друг друга, а сосуществующих на протяжении длительного времени. Для того чтобы лучше понять это, необходимо обратиться к вопросу исторического контекста.

Влиятельный британский и австрийский философ и социолог Карл Поппер отмечал, что каждая отдельная форма духовной жизни изменяется, прежде всего, по собственным внутренним законам, в соответствии с собственной логикой развития, заключающейся в вырастании проблем внутри традиции и последующем их разрешении имеющимися средствами [9, с. 167-175]. Вместе с этим не будем забывать и о понятии исторического сознания. Мы приведем близкое нам и в предельно простой форме изложенное определение этого термина И.Е. Суриковым, пусть оно и дается на материале древнегреческой цивилизации: *историческое сознание* – это такая специфическая сфера духовной жизни, предметом которой является именно та самая историческая реальность, перемены в которой влекут за собой модификацию инструментов ее постижения [10, с. 401]. Такая трактовка термина вполне применима и к армянам эпохи поздней античности. Действительно, главной исторической реальностью V века, нашедшей свое отражение в трудах армянских авторов, стала окончательная гибель Армянского государства и падение династии Аршакидов. Именно с этой царской династией армянские историки сформировали свои представления о христианской стране, символическом культурном мире, который по некоторым критериям не только отличался от соседних государственных образований, но и противостоял им. Реалии армянской действительности V–VII веков определили своеобразный вектор постижения мира и различные пути и направления моделирования истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агатангехос. История Армении / перев. с древнеармянского, вступительная статья К.С. Тер-Давтяна и С.С. Аревшатяна; под общ. ред. С.С. Аревшатяна. Ереван: Наири, 2004. 336 с.
2. История Армении Фавстоса Бузанда / пер. с др.-арм. и коммент. М.А. Геворгияна; под ред. С.Т. Еремяна. Ереван: АН Армянской ССР, 1953. 238 с.
3. История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века / пер. с арм. К. Патканьяна (К. Патканова). СПб., 1862. 216 с.
4. Мовсес Хоренаци. История Армении / пер. с древнеарм. языка, примечания Г. Саркисяна; ред. С. Аревшатян. Айастан, Ереван, 1990. 291 с.
5. Юзбашян К.Н. Армянская эпопея V века: от Аварайрской битвы к соглашению в Нуарсаке // Юзбашян К.Н. Елише. Слово о войне армянской / Елише. пер. с древнеарм. И.А. Орбели, новая ред. К.Н. Юзбашяна. М.: XXI век, 2001.
6. Ghazar Parpetsi. Patmutiun Hayots (History of the Armenians and the Letter to Vahan Mamikonian). Ed. Dickran Kouymjian. Delmar, N.Y., 1985. P. 10.
7. Garsoian N.G. The Epic Histories Attributed to P'awstos Buzand (Buzandaran Patmut'iunwnk') / Translation and Commentary by N.G. Garsoian // Harvard Armenian Texts and Studies. №. 8. Cambr. (Mass.): Harvard University Press, for the Department of Near Eastern Languages and Civilizations, Harvard University, 1989. 665 p.
8. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
9. Поппер К.Р. Нищета историцизма. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. 187 с.
10. Суриков И.Е. История в драме – драма в истории. Некоторые аспекты исторического сознания в классической Греции // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 371-410.
11. Эксле Г. Культурная травма под воздействием историцизма // Одиссей. Человек в истории. М., 2001. С. 268-285.
12. Alexander J.C. Toward a Theory of Cultural Trauma // Cultural Trauma and Collective Identity / J.C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N.J. Smelser, P.L. Sztompka. Berkeley, 2004. P. 1-30.

13. Brekhus W. The Rutgers School. A Zerubavelian Culturalist Cognitive Sociology // European Journal of Social Theory. 2007. 10 (3). P. 448-464.
14. Garsoian N.G. "The Marzpanate" // The Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. I / Ed. R.G. Hovannisian. Houndmills; L., 1997. P. 95-115.
15. Garsoian N.G. The Two Voices of the Armenian Medieval Historiography: The Iranian Index // Studia Iranica. 1996. Vol. 25. P. 7-43.
16. Gibson A. Toward a Postmodern Theory of Narrative. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1996. 301 p.
17. Giesen B. National Identity as Trauma: The German Case // Myth and Memory in the Construction of Community. Bruxelles: Bo Strath, 2000. P. 227-248.
18. Nunning A. Reconceptualizing Unreliable Narration: Synthesizing Cognitive and Rhetorical Approaches // Companion to Narrative Theory / Eds. J. Phelan, P.J. Rabinowitz. Malden: Blackwell, 2005. P. 89-107.
19. Smelser N.J. Psychological Trauma and Cultural Trauma // Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 155-195.
20. Sztompka P. Cultural Trauma: the Other Face of the Social Change // European Journal of Social Theory. 2000. Vol. 3(4). P. 449-466.
21. Thomson R.W. Introduction. In: Elise. History of Vardan and the Armenian War / Translation and Commentary by R.W.Thomson. London: Harvard University Press, 1982. P. 3-45.
22. Wertsch J.V. Voices of Collective Remembering. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 212 p.
23. Wolf W. Das Problem der Narrativität in Literatur, bildender Kunst und Musik: Ein Beitrag zu einer intermedialen Erzähltheorie // Erzähltheorie transgenerisch, intermedial, interdisziplinär / Hrsg. V. Nunning, A. Nunning. Trier: WVT, 2002. S. 23-104.
24. Zerubavel E. Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago, 2003. 187 p.

REFERENCES

1. Agatangehos. *Istoriya Armenii / Perv. s drevnearmjanskogo, vstupitel'naja stat'ja K.S. Ter-Davtjana i S.S. Arevshatjana; pod obshh. red. S.S. Arevshatjana* [History Of Armenia / TRANS. from the old Armenian, introductory article by K. S. Ter-Davtian and S. S. Arevshatian; under the General editorship by S. S. Arevshatian.]. Erevan: Nairi, 2004. 336 p. (In Russian)
2. *Istoriya Armenii Favstosa Buzanda / Per. s dr.-arm. i komment. M. A. Gevorgjana; pod red. S. T. Eremjana; vstupit, st. L. S. Hachikjana* [The History Of Armenia Of Favstos Buzand, Transl. with the other arm. and comments. Gevorgyan M. A.; ed. by S. T. Yeremyan. Yerevan: an Armenian SSR]. Erevan: AN Armjanskoj SSR, 1953. 238 p. (In Russian)
3. *Istoriya imperatora Irakla. Sochinenie episkopa Sebeosa, pisatelja VII veka / Per. s arm. K. Patkan'jana (K. Patkanova)* [The story of the Emperor of Irakli. Essay of Bishop Sebeos, the writer VII century, transl. with AWS. K. Patkanian (K. Patkanov)]. St. Petersburg, 1862. 216 p. (in Russian)
4. Movses Horenaci. *Istoriya Armenii. Per. s drevnearm. jazyka, primechanija G. Sarkisjana; Red. S. Arevshatjan* [The History Of Armenia. TRANS. with drawnnear. language, notes by G. Sarkisian; Ed. S. Arevshatyan]. Erevan, 1990. 291 p. (In Russian)
5. Juzbashjan K.N. *Armjanskaja jepopeja V veka: ot Avarajrskoj bitvy k soglasheniju v Nuarsake // Juzbashjan K.N. Elishe. Slovo o vojne armjanskoj / Elishe. Per. s drevnearm. I.A. Orbeli, novaja red. K.N. Juzbashjana* [Armenian epic century V: from battle avariray to the agreement in Nursace // Yuzbashyan, K. N. Elise. A word about the Armenian / Elise. Trans. with drawnnear. I. A. Orbeli, new ed., N. Yuzbashyan]. Moscow, 2001. (In Russian)
6. Ghazar Parpetsi. *Patmutiun Hayots (History of the Armenians and the Letter to Vahan Mamikonian)*. Ed. Dickran Kouymjian. Delmar, N.Y., 1985. P. 10.

7. Garsoian N.G. The Epic Histories Attributed to P'awstos Buzand (Buzandaran Patmut'iunwnk') / Translation and Commentary by N.G. Garsoian // Harvard Armenian Texts and Studies. No. 8. Cambr. (Mass.): Harvard University Press, for the Department of Near Eastern Languages and Civilizations, Harvard University, 1989. 665 p.
8. Assman Ja. *Kul'turnaja pamjat'. Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, 2004. 368 p. (in Russian)
9. Popper K.R. *Nishheta istoricizma* [The poverty of historicism]. Moscow, 1993. 187 p. (in Russian)
10. Surikov I.E. *Istorija v drame – drama v istorii. Nekotorye aspekty istoricheskogo soznanija v klassicheskoj Grecii* [The story in drama – drama in history. Some aspects of historical consciousness in classical Greece]. *Dialogi so vremenem. Pamjat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L. P. Repinoj*. Moscow, 2008. Pp. 371-410. (In Russian)
11. Jeksle G. *Kul'turnaja travma pod vozdejstviem istorizma* [The cultural trauma under the influence of historicism]. *Odissej. Chelovek v istorii*, Moscow, 2001. Pp. 268-285. (In Russian)
12. Alexander J.C. Toward a Theory of Cultural Trauma // *Cultural Trauma and Collective Identity / J.C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N.J. Smelser, P.L. Sztompka*. Berkeley, 2004. P. 1-30.
13. Brekhus W. The Rutgers School. A Zerubavelian Culturalist Cognitive Sociology // *European Journal of Social Theory*. 2007. 10 (3). P. 448-464
14. Garsoian N.G. “The Marzpanate” // *The Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. I / Ed. R.G. Hovannisian*. Houndmills; L., 1997. P. 95-115.
15. Garsoian N.G. The Two Voices of the Armenian Medieval Historiography: The Iranian Index // *Studia Iranica*. 1996. Vol. 25. P. 7-43.
16. Gibson A. *Toward a Postmodern Theory of Narrative*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1996. 301 p.
17. Giesen B. National Identity as Trauma: The German Case // *Myth and Memory in the Construction of Community*. Bruxelles: Bo Strath, 2000. P. 227-248.
18. Nunning A. Reconceptualizing Unreliable Narration: Synthesizing Cognitive and Rhetorical Approaches // *Companion to Narrative Theory / Eds. J. Phelan, P.J. Rabinowitz*. Malden: Blackwell, 2005. P. 89-107.
19. Smelser N.J. Psychological Trauma and Cultural Trauma // *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 155-195.
20. Sztompka P. Cultural Trauma: the Other Face of the Social Change // *European Journal of Social Theory*. 2000. Vol. 3(4). P. 449-466.
21. Thomson R.W. Introduction. In: *Elishe. History of Vardan and the Armenian War / Translation and Commentary by R.W.Thomson*. London: Harvard University Press, 1982. P. 3-45.
22. Wertsch J.V. *Voices of Collective Remembering*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 212 p.
23. Wolf W. Das Problem der Narrativitat in Literatur, bildender Kunst and Musik: Ein Beitrag zu einer intermedialen Erzähltheorie // *Erzähltheorie transgenerisch, intermedial, interdisziplinär / Hrsg. V. Nunning, A. Nunning*. Trier: WVT, 2002. S. 23-104.
24. Zerubavel E. *Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago, 2003. 187 p.

© Аюпян П.А., 2016

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Акопян Павел Арменович – ассистент кафедры истории средневековых цивилизаций Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: pavel-aa@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Akopian Pavel Armenovich - the assistant of the Department of Medieval Civilizations History, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN), Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: pavel-aa@mail.ru.